

Н.К. Гарбовский,

доктор филологических наук, профессор, директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: nikolay.garbovskiy@mail.ru

ВОЙНА И КОММУНИКАЦИЯ В ВОЕННОЙ СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

75-я годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне вновь возвращает нас к событиям того времени, заставляет ещё раз задуматься над тем, какое влияние оказывают войны не только на различные стороны жизни человеческого общества, на экономику, политику, технологии, но и на сознание человека, на его язык и речевую деятельность.

Во время войны уточняется и развивается когнитивно-коммуникативная система, обеспечивающая общение в военной сфере деятельности. Специфические формы приобретает межъязыковая коммуникация и перевод в условиях военного противостояния «своего» и чужого».

Победа советского народа в Великой Отечественной войне расширила спектр социальных функций русского языка, ставшего языком международного сотрудничества, в том числе и в военной сфере, что послужило стимулом к значительному расширению переводческой деятельности, развитию теории и методологии перевода.

Ключевые слова: когнитивно-коммуникативная система, жанровая вариативность речи, методология перевода, военный дискурс, военная терминология, военный перевод.

1. Великая Отечественная война и русский язык

Изменения, происходящие в языках, в их составе и функционировании, под воздействием войн, военных действий неоднократно описывались в работах многих отечественных и зарубежных исследователей [см.: Бельчиков, 2000; Береговская, 1978; Гарбовский, 1978, 1979, 1985 и др.; Гарбовский, Мишкурлов, 2010; Денисов, 1985; Доза, 1956; Кожин, 1955, 1956, 1961, 1975, 1985 и др.; Лесных, 2000; Мжельская, 1975; Миртов, 1953; Скворцов, 1975; Фесенко, 1955; Филин, 1946; Черных, 1946; Шмелев, 2018; Dauzat, 1941, 1959; Eyot, 1943; Gilbert, 1973; Gougenheim, 1954; Mitterand, 1954; Pohl, 1953 и др.].

Уже в течение первых тридцати лет после победы советского народа в Великой Отечественной войне исследователи провели множество разысканий, посвящённых изменениям, которые пре-

терпевал русский язык в годы войны. О.С. Мжельская в обзоре лингвистических исследований русского языка эпохи Великой Отечественной войны, опубликованном в 1975 г., отмечала, что уже к тому времени библиография научных исследований о русском языке в эпоху Великой Отечественной войны составляла не менее 100 названий, из них 40 непосредственно были посвящены лексике и фразеологии, а также некоторым явлениям морфологии и синтаксиса [Мжельская, 1975]. За последнее время эта библиография пополнилась многими новыми работами [см.: Кожин, 1975, 1985; Скворцов, 1975; Гарбовский, 1985; Денисов, 1985; Бельчиков, 2000; Лесных, 2000; Шмелев, 2019 и др.]. На эту тему пишутся научные статьи, проводятся научные конференции, публикуются материалы и размышления в средствах массовой коммуникации, сочиняются курсовые и творческие работы студентами и школьниками, проводятся специальные уроки.

Отечественная война — особый тип войны, предполагающий её всенародный характер, это — «война в защиту отечества, его территориальной целостности, свободы и независимости. По своему содержанию отечественная война направлена на сохранение, восстановление или завоевание национально-государственного суверенитета» [Военная энциклопедия, 1978, т. 6: 181].

Всенародный характер отечественной войны предполагает изменения в структуре речевой деятельности всего общества, в той или иной степени затрагивают все уровни языковой системы. А.В. Миртов отмечал: «В годы Великой Отечественной войны, — отдельные грамматические категории и формы современного русского языка или активизировались, или обнаружили некоторые изменения в своём стилистическом использовании» [Миртов, 1953: 39]. Однако в первую очередь изменения затрагивают лексический уровень языковой системы, то есть наиболее подвижную часть системы, которая в большей степени, чем фонетика и грамматика, подвержена изменениям под воздействием социальных факторов. Формы, закреплённые традиционно за военным дискурсом — военные термины и специфические обороты речи — находят более широкое употребление в повседневном общении, наполняют тексты самых разных жанров.

В военное время военные концепты претерпевают некоторое переосмысление в результате частого употребления военных терминов вне непосредственно военной сферы, которые переходят разряд общеупотребительных слов, обогащаясь при этом большей экспрессивностью в силу функционирования в не свойственной им речевой среде.

Исследователями особенностей функционирования языка в условиях войн высказывалась мысль о том, что большая часть изменений, происходящих в языке во время войны, особенно в его лексическом составе, в период войны, носит временный характер и с переходом общества к нормальной жизни выходит из общего употребления [см.: Черных, 1946: 97; Dauzat, 1959: 128]. В то же время некоторые средства выражения военных концептов надолго закрепляются в речевой коммуникации вне специальной военной сферы общения.

Так, один из основных концептов военной тактики — *наступление* (ср.: «*Наступление является основным видом боевых действий и имеет решающее значение в достижении победы над противником*» [БУ СВ, 1964: 43]) — получил переосмысление как целенаправленное упорное силовое воздействие, и термин *наступление* прочно вошёл в состав русского языка. Сегодня Национальный корпус русского языка фиксирует более двух с половиной тысяч документов, где это слово употребляется вовсе не в военном терминологическом значении, например: *наступление на права, на науку, на литературу* и т.п., *перейти в наступление, дипломатическое наступление* и др. [<http://processing.ruscorpora.ru>]. Подобное переосмысление претерпели и многие другие военные концепты на основе не только главного, дифференцирующего, но и потенциального компонента их содержания. На основе смыслового компонента «находиться впереди других» привели к многократному переосмыслению военного концепта *авангард* (отряд, высланный вперёд по ходу движения войск для охранения и разведки): *авангард рабочего класса, миролюбивого движения* и т.п. Термин *авангард*, заимствованный ещё в Петровскую эпоху для названия специального военного понятия благодаря именно этому компоненту получил чрезвычайно широкое распространение в русской ономастике. В современной России имя Авангард носит множество населённых пунктов, а также банки, спортивные клубы, средства массовой информации, предприятия и даже люди.

С другой стороны, для коммуникации в собственно военной сфере нередко заимствуются слова общего языка для обозначения специальных военных концептов. Однако заключённые в них военные концепты не только не совпадают с концептами, заключёнными в формы общеупотребительных слов, но иногда и оказываются противоположными. Так, русское прилагательное *срочный* закреплено в языковом сознании за концептом безотлагательности, первоочерёдности, приоритета во временной иерархии. Национальный корпус русского языка приводит следующие примеры употребления привычных словосочетаний с этим прилагательным:

«Обращаться с такой просьбой в момент, когда тебе дают **срочное** задание, война, счёт идёт на дни, часы, минуты...» (Анатолий Рыбаков. Тяжёлый песок. 1975–1977) [<http://processing.ruscorpora.ru>]

«Вас вызывают в институт, — сказал он, поздоровавшись, — **срочное** совещание» (Фазиль Искандер. Летним днём. 1969) [Там же]. Толковый словарь Ушакова приводит два значения прилагательного срочный: «1. Совершаемый быстро, безотлагательно, спешно. Срочное исполнение заказа. Срочная телеграмма (посылаемая вне очереди). В срочном порядке. Срочное донесение. Срочно (нареч.) доставить что-н. || Требующий спешного исполнения. Срочный заказ. Срочный пакет. Срочные нужды. 2. Производимый в определённый срок, совершаемый на срок. Срочная уплата процентов. Срочная сделка. Срочные рейсы (по расписанию)» [<https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=73717>]. Представляет интерес словосочетание **срочное донесение**, приведённое автором словаря в качестве иллюстрации его первого значения (совершаемый быстро, безотлагательно, спешно), так как оно фигурирует и военной когнитивно-коммуникативной системе. Военная энциклопедия, размещённая на сайте Министерства Обороны РФ, определяет его следующим образом: донесение — это «боевой или служебный отчётно-информац. документ, разрабатываемый штабом и др. органами управления в мирное и военное время с целью сообщения определённых сведений вышестоящему комру (нач-ку) или штабу... По характеру содержащихся сведений Д. могут быть срочными и внесрочными, текущими и итоговыми. **Срочные Д. представляются ко времени, установленному табелем срочных донесений**, внесрочные — в зависимости от обстановки или по требованию вышестоящего штаба» (выделено мной — Н.Г.) [<https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/search.htm>]. Таким образом, содержание концепта «срочности» в военной когнитивно-коммуникативной системе соотносится не с первым, а со вторым значением прилагательного *срочный*: производимый в определённый срок.

Двусмысленной оказывается фраза из романа «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана, военного корреспондента, прошедшего Великую Отечественную войну с 1941 г., «Начальник политотдела армии, бригадный комиссар, написал срочное донесение начальнику политуправления фронта, дивизионному комиссару» (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2. 1960) [цит. по: <http://processing.ruscorpora.ru>]. Не менее двусмысленно звучит и название одного из рассказов о Великой Отечественной войне Г.Л. Северского «Срочное донесение», в котором двусмысленность устраняется лишь в первых строках

рассказа: «— Кто умеет водить машину? — спросил начальник разведки. Мы сразу поняли его план. У нас донесение. Донесение очень срочное. До рассвета оно должно быть в сорока километрах от города, в штабе партизан. Сейчас уже вечер, а в три светает» [<https://www.litmir.me/br/?b=198196&p=10>]. И если для читателя романа на русском языке эта двусмысленность не мешает восприятию текста, то для переводчиков она может составить некоторую проблему: воен. *срочное донесение* — *periodic/routine report* англ.; *compte-rendu systématique/périodique* фр., в то время, как *срочный* (безотлагательный) — это *urgent* англ. и фр. Вводят в заблуждение и современные электронные переводчики, предлагая в качестве межъязыкового соответствия словосочетания *срочное донесение* его «невоенные эквиваленты» — *urgent report* англ; *rapport urgent* фр. [<https://translate.yandex.ru/?lang=ru-fr&text=срочное%20донесение>; <https://translate.google.ru/?hl=ru&tab=wT#view=home&op=translate&sl=ru&tl=en&text=срочное%20донесение>].

В военное время у военных терминов, составляющих когнитивную основу военного дискурса, появляется немало неофициальных некодифицированных дублетов, заимствованных из общего лексического фонда языка, которые функционируют в качестве «невоенных наименований» концептов из области военного дела. А.Н. Кожин, наиболее глубоко и подробно изучавший состояние лексики русского языка в период Великой Отечественной войны, писал: «В условиях войны получили распространение семантические переносы слов производственного и хозяйственного быта, социально-политической и культурной жизни на явления и предметы фронтового быта и военной техники» [Кожин, 1956: 25]. Классический пример — хорошо известная всем сегодня *катюша* — «народное название боевых машин реактивной артиллерии во время Великой Отечественной войны» [ВЭС, 1984: 324]. Словом *таблетка* обозначали военную санитарную машину, словом *семечки* — снаряды, словом *дурила* — миномёт и др.

Возникнув на основе слов общего языка, эти неофициальные обозначения концептов военной сферы деятельности, сохраняют живую внутреннюю форму. Имея в своей основе троп, они являются образными обозначениями специальных понятий. «Переносно-фигуральное употребление, — писал А.Н. Кожин о слове *мешок* как о единице военного дискурса, — неотделим от бытовых ассоциаций, которые в той или иной мере проступают даже в минимальном отрезке текста» [Кожин, 1985: 56]. В качестве иллюстрации Кожин приводил примеры из газетного материала периода Великой Отечественной войны: «Сочетая фронтальные атаки с ударами во

фланг, наступающий обязан главные усилия свои сосредоточить у самых “завязок мешка”, сужая с двух сторон его “горловину”» [Там же]. В приведённом примере образность слова *мешок* в военном употреблении, ассоциативная связь его с *ёмкостью для сыпучих продуктов*, подчёркивается сочетанием его со словами *завязка* и *горловина*.

Б.А. Серебренников, называя совокупности подобных лексических единиц групповыми или корпоративными жаргонами, полагал, вслед за В.М. Жирмунским и В. Стратеном, что их возникновение обусловлено не столько деловой потребностью, сколько стремлением к экспрессии, забавой, игрой словами [Общее языкознание, 1970: 482]. Иначе говоря, такие неофициальные дублеты терминов отличаются повышенной, по сравнению с терминами, способностью вызвать яркий экспрессивный эффект: они не только называют предмет, но и выражают эмоциональное отношение к нему говорящего.

Если попытаться найти общее в двух этих разнонаправленных процессах функциональных и семантических изменений, можно заметить, что и тот, и другой повышают экспрессивность коммуникации, что вполне объяснимо для особых условий повышенной эмоциональной нагрузки на сознание людей во время войны.

В период войны получает наиболее полное развитие вся военная когнитивно-коммуникативная системы, призванная обеспечивать информационные процессы в военной, в первую очередь в боевой, сфере деятельности.

2. Военный дискурс и когнитивно-коммуникативная система военной сферы деятельности

Если, по образному выражению Н.Д. Арутюновой, дискурс — это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990: 136], то военный дискурс — это речь, погруженная в войну, которая понимается как «крайняя форма разрешения противоречий, характеризующаяся резкой сменой отношений между государствами, нациями, др. субъектами политики и переходом к применению средств вооружённого и др. видов насилия для достижения социально-политических, экономических, идеологических, территориальных, национальных, этнических, религиозных и др. целей. Главным содержанием войны является вооружённая борьба» [<https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=12849@morfDictionary>].

Военный дискурс — это военная когнитивно-коммуникативная система, представляющая собой систему концептов, отражающих представления о реальных и воображаемых объектах, явлениях и их

взаимодействии в сфере военного противостояния, их рациональную и эмоциональную оценку, и средства выражения, обеспечивающие коммуникацию членов военного сообщества между собой и с внешним миром в многообразных ситуациях взаимодействия и противодействия. Основу этой системы составляют военные концепты, заключённые в форму военных терминов и их неофициальных дублетов — военных профессионализмов и жаргонизмов, «релеяторы», применяющихся «для указания на семантические и формальные отношения, в которые вступают термины в тексте, а также в системе языка» [см.: Пиотровский, Рахубо, Хажинская, 1981: 35], и определённые дискурсивные модели.

Когнитивно-коммуникативная система, обеспечивающая общение в военной профессиональной сфере деятельности и неразрывно связанная с оперативно-тактическим мышлением командиров, получает наибольшее развитие в периоды войн под влиянием целого комплекса экстралингвистических факторов, среди которых основными являются следующие: характер современного боя, его быстрота и скоротечность, резкое изменение обстановки в ходе боевых действий, специфика деятельности, но также степень участия в войнах широких народных масс и соответственно степень перестройки уклада жизни всей языковой общности на военные рельсы, социальный тип войн.

Специфика военной сферы деятельности заключается прежде всего в том, что эта деятельность разворачивается в обстановке постоянной опасности, в которой от быстроты, точности и корректности действий зависит жизнь воинского коллектива и успешное решение боевой задачи. Специфика деятельности предполагает такие черты речи, как краткость, лаконичность, предельная ясность и точность, призванные максимально исключить всякую двусмысленность. Это находит свое выражение в использовании строго определённых клишированных языковых форм, особенно в таких типах военного дискурса, которые призваны регламентировать военную деятельность, то есть команд, боевых документов (приказов, донесений и т.п.), наставлений, инструкций, уставов и т.п. В военном дискурсе, по мнению некоторых исследователей, «каждое слово не только объясняет, но и убеждает» [Трифонов, 1970: 40].

«И в бою, и в ходе восстановительных работ необходимо, чтобы военнослужащие всегда прекрасно понимали друг друга. Плохо составленное донесение способно повредить успешному проведению операции, неясный циркуляр может вызвать весьма опасные ошибки его толкования, двусмысленный текст — дать повод нерадивому исполнителю не выполнять нежелательный для него приказ», — по-

лагал французский исследователь военного дискурса Лармина [De Larminat, 1980: 22]¹.

2.1. Военные концепты и военная терминология

Ядро когнитивно-коммуникативной системы, обеспечивающей общение в военной сфере деятельности, составляет не вся область специальных концептов языковых единиц, а лишь та её часть, которая включает в себя единицы, в содержании которых наличествует компонент *военный* или *боевой*, являющийся интегральным звеном для данной когнитивной сферы.

Данное уточнение представляется весьма важным в связи с тем, что в области военного дела существует масса понятий, которые имеют лишь косвенное отношение к данной отрасли знаний [Пашковский, 1958: 6–7; Стрелковский, 1979: 153]. Их число превышает число собственно военных концептов. Наименования, соотнесённые с такими концептами, вряд ли целесообразно рассматривать как военные термины. Это уточнение необходимо учитывать при составлении специализированных военных словарей, для определения номенклатуры терминов.

Так, слово *самолёт*, широко используемое в самых различных военных текстах, становится военным термином лишь в сочетании с детерминативами: *самолёт-ракетоносец*, *противолодочный самолёт*, *боевой самолёт*, *самолёт-цель* и др. Причём если первые три словосочетания оказываются способными назвать именно военный концепт благодаря детерминативам *ракетоносец*, *противолодочный*, *боевой*, то в сложном имени *самолёт-цель*, в котором ни одна из составных частей не связана в сознании непосредственно с военной сферой, возможность назвать военный концепт возникает только в сочетании двух компонентов. В этом случае составное наименование приобретает идиоматичность в связи с тем, что содержание заключённого в нём нового концепта выходит за рамки простой суммы признаков каждого из концептов в отдельности, заключённых в словесные формы *самолёт* и *цель*.

2.2. Военные концепты и информация

Одна из глав сочинения военного теоретика начала XIX в. философа и аналитика войны Карла Клаузевица «О войне» посвящена

¹ «Or qu'il soit dans le feu de l'action ou qu'il s'adonne à des tâches de réfraction, il est indispensable que le militaire soit toujours parfaitement compris. Un message mal rédigé peut compromettre le succès d'une opération, une circulaire confuse provoquer des erreurs d'interprétation dommageables, un texte ambigu fournir au destinataire rétif un prétexte pour ne pas exécuter un ordre qui ne lui sourit guère» [De Larminat, 1980: 22].

сведениям, получаемым на войне. Эти сведения необходимы для понимания уровня опасности, которую представляет собой противник, и, соответственно, для принятия решений о способах и методах вооружённой борьбы с ним. «Словом “сведения”, — писал Клаузевиц, — мы обозначаем всю совокупность знаний, имеющих у нас о неприятеле и его стране. Это — основа наших собственных идей и действий. Стоит лишь вникнуть в природу этой основы, в её недостоверность и шаткость, чтобы почувствовать, как хрупка зиждущаяся на ней постройка войны, как легко она может рухнуть и похоронить нас под своими обломками <...> Многие донесения, получаемые на войне, противоречат одно другому; ложных донесений ещё больше, а основная их масса — малодостоверна. От военного работника в данном случае требуется известная способность различать, которая даётся только знанием дела и людей и здравым суждением» [Клаузевиц, 1934: 52].

Высказывание прусского военного философа содержит указание на сложность интерпретации военных текстов противника с целью извлечения необходимой информации и определения их надёжности и достоверности. Сложность интерпретации обусловлена прежде всего насыщенностью военных документов «чужой», неизвестной и требующей расшифровки и освоения специальной терминологией, скрывающей чрезвычайно важные для принятия адекватных решений концепты. Освоение чужой терминологии, уточнение содержания концептов, заключённых в новых чужих военных терминах, осуществляемое военными переводчиками, лингвистами военного времени завершается её фиксацией в двуязычных словарях и справочных материалах.

Несмотря на то, что в военных концептах неизбежно отражается когнитивный опыт предшествующих войн, бесконечность и непрерывность процессов познания и именования, творческая деятельность человека по преобразованию предметов действительности, объективные изменения, происходящие в мире, новые технологии и средства вооружённой борьбы влекут за собой сдвиги в содержании и объёме военных концептов, и соответственно, сдвиги в понятийной и предметной соотнесённости военных терминов. Трансформации военных концептов, заключённых в военных терминах, осуществляется согласно закону обратного отношения их содержания и объёма: с увеличением объёма ограничивается содержание концепта, и наоборот.

Новые знания о сущности и природе класса предметов военной сферы деятельности способны расширить содержание военного концепта, вводя в его структуру отражение признаков, вновь вы-

явленных в процессе познания. В этом случае предметная соотнесённость концепта может сократиться, если у ряда предметов, относимых ранее к данному классу, вновь выявленных признаков не обнаружится. Новые знания могут вовсе изменить структуру военного концепта, выдвигая в качестве ведущих и существенных совсем иные признаки или отношения. Тогда возникает новый концепт, который на определённом синхронном срезе функционирования языка может наравне со старым концептом закрепляться за одной языковой формой, т.е. одним военным термином.

С другой стороны, в результате обобщающей деятельности, осуществляемой мышлением, абстрагирования от малосущественных, второстепенных признаков выводятся новые обобщённые классы предметов, расширяется объём общих, точнее, обобщающих, концептов. Соответственно, изменяется в сторону увеличения предметная соотнесённость военных терминов.

Таким образом, в военной терминологии постоянно происходят разнонаправленные семантические процессы, изменяющие семантическую структуру терминосистемы и её функционирование. Эта естественная динамика военной терминосистемы представляет одну из главных трудностей для осуществления перевода военных текстов противника: переводчики, подобно военачальникам, будучи подготовлены к прошлой войне, в условиях диссонанса между старым знанием, старым, но уже освоенным «чужим» и новым «чужим», закодированным в новых языковых формах, вынуждены применять сложные когнитивные модели для выявления скрывающихся за этими формами важных для принятия решений концептов.

2.3. Эволюции военной когнитивно-коммуникативной системы

Военная когнитивно-коммуникативная система находится в постоянном развитии. Она формируется в три этапа: когнитивного опыта военных действий, стратегических концепций и тактических приёмов в ходе конкретной войны, последующее, по завершении военных действий, когнитивное моделирование будущих военных действий в мирный (подготовительный) период, уточнение теоретических моделей в условиях нового военного противостояния. Боевые возможности вооружённых сил государств и политические решения, направленные на достижение конкретных стратегических целей, постоянно эволюционируют в историческом плане. Научно-технический прогресс приводит к созданию новых более эффективных средств вооружённой борьбы. Эволюция вооружений и, соответственно, боевых возможностей войск влечёт за собой

значительные изменения в методах ведения войны и обеспечения войск. Новые средства военного воздействия одной политической силы закономерно приводят к интенсивной разработке превосходящих по эффективности средств военного противодействия другой, политической силы противника, но прежде всего из-за стратегий, выбранных противником в соответствии с его собственными политическими и социальными характеристиками. Эта неизбежная эволюция, отчётливо проявляющаяся во всей истории военного искусства, на определённом этапе ещё не может быть подкреплена непосредственным боевым опытом. Поэтому стратегические, оперативные и тактические модели строятся на двух основаниях: эмпирическом и виртуальном. Иначе говоря, новые концепции содержат в большей или меньшей степени элементы прошлого мировидения, основанного на предыдущем военном опыте. Отсюда рождается аксиома: «генералы всегда готовятся к прошедшей войне». К виртуальной области относится, в частности, концепт «ядерная война», который, имея вполне строго очерченные содержание (война с применением ядерного оружия) и объём (0), содержит оценочный компонент «устрашения», а сама возможность применения ядерного оружия (виртуальная область) превращает техническое понятие «ядерное оружие» в военный концепт «сила сдерживания».

С наступлением новой военной реальности виртуальные концепции либо получают своё практическое подтверждение и закрепляются в форме нормативных документов, регламентирующих военное сознание и военную практику, либо рушатся как несостоятельные.

Классическим примером оппозиции представлений, основанных на прежнем военном опыте и новой реальности, является «линия Мажино», мощная полоса оборонительных сооружений, построенная французами вдоль границы с Германией и оснащённая самыми современными к тому времени средствами огневого воздействия на противника. Возведение «линии Мажино» осуществлялось на основе представлений о позиционной войне 1914–1918. «Линия Мажино», к удивлению французов, оказалась совершенно неспособной защитить Францию от наступательной манёвренной стратегии внезапной войны германской армии. Представления французов о характере будущей войны, сформировавшиеся в период между двумя мировыми войнами на основе опыта предшествовавшей войны без учёта изменения стратегической концепции германских военачальников, вошли в противоречие с военной реальностью начала Второй мировой войны.

Причиной этого когнитивного диссонанса оказалась недостаточность информации о стратегических представлениях вероятных противников.

2.4. Дискурсивные образцы

Когнитивно-коммуникативная система не ограничивается только областью специальных военных концептов, заключённых в формы военных терминов, но предполагает также наличие представлений о дискурсивных образцах — абстрактных моделях построения речевых произведений в тех или иных регулярно повторяющихся ситуациях общения, реализующихся в реальных разновидностях военного дискурса: боевых уставов, приказов, донесений, листовок на противника, военной корреспонденции и др.

Военный дискурс можно отнести к области интрапрофессиональной коммуникации, т.е. коммуникации, не выходящей за пределы воинских коллективов, в рамках которой отчётливо различаются так называемые «распредмечивающие» и «регуляционные» жанры. Распредмечивающие жанры призваны раскрыть, растолковать, разъяснить предмет военной деятельности во всём многообразии его проявлений. К ним относятся *военно-научные* (научные статьи, монографии и т.п.) и *военно-дидактические* (учебники, учебные пособия и т.п. по военному делу) жанры. Регуляционные жанры имеют правовую основу; они призваны управлять деятельностью воинских коллективов и имеют силу юридических документов (общевойсковые уставы, инструкции и т.п., а также приказы, команды, листовки, донесения, распоряжения и т.п. Ряд жанров, закреплённых за коммуникацией в военной сфере деятельности, обнаруживает сходные черты с жанрами, свойственными общению в других профессиональных общностях. Это относится прежде всего к военной публицистике, к военно-научной и военно-дидактической коммуникации.

В то же время, коммуникация в военной сфере осуществляется в форме жанров, отличающихся значительной спецификой. Это прежде всего боевые уставы — жанр, не имеющий аналогов в «невоенной» коммуникации, который характеризуется двойственностью прагматической цели: цель овладения деятельностью сочетается с целью её регуляции. Значительной спецификой характеризуются также боевые документы (приказы, донесения и т.п.), команды и листовки.

Жанры профессиональной речи в военной сфере деятельности отличаются от функционально аналогичных речевых явлений, то

есть от разновидностей профессиональной речи других социально-профессиональных групп, других видов профессиональной деятельности, прежде всего референциальной отнесенностью к определённому предмету деятельности — вооружённой борьбе.

3. Война, новые социальные функции языка, военный перевод и методология перевода

3.1. Великая Отечественная война и социальные функции русского языка

Влияние войн на язык имеет различные проявления и, как отмечал П.Я. Черных, «не ограничивается появлением новых слов, лексических новообразований, по большей части, вероятно, временного характера, вызванных условиями и обстоятельствами военного времени» [Черных, 1946: 98]. Под влиянием Великой Отечественной войны, пишет далее исследователь, русский язык приобрёл международное значение, укрепились его роль как языка межнационального общения, как «языка нации и оружия связи в дружной семье советских народов, была убедительно доказана необходимость глубокого изучения русского языка не русскими, для всех советских людей всех национальностей русский язык стал роднее под угрозой “онемечивания”» [Там же]. Иначе говоря, изменяются не только состав языка, некоторые дискурсивные нормы, но и общественные функции языка.

Русский язык — язык победы — стал языком носителем информации о стратегии и тактике ведения победоносных военных действий, о способах и методах применения наиболее эффективных средств вооружённой борьбы. Объединение ряда стран Европы в организацию Варшавского договора привело к тому, что у русского языка возникла новая социальная функция — функция обеспечения международного военного сотрудничества. Авторитет советской военной мысли, советской боевой техники и вооружения привёл также к тому, что многие страны, вставшие в послевоенный период на путь национально-освободительной борьбы, и позднее стремившиеся защитить свою независимость, осознали необходимость в овладении советским военным искусством, советской военной техникой и вооружением. Национальные армии столкнулись с необходимостью овладения военными концептами, содержание которых не всегда совпадало с содержанием концептов более привычной военной мысли армий западных стран, внедрявших свои идеалы и понятия в общественное сознание народов зависимых от них стран на протяжении многих десятилетий.

3.2. Экспорт «советской военной мысли»

Подготовка военных специалистов этих стран в Советском Союзе, предполагавшая в первую очередь овладение русским языком в степени, необходимой для освоения военной науки и военных технологий, сопровождалась беспрецедентной по объёму переводческой деятельностью.

Если в период Великой Отечественной войны одна из основных функций военных переводчиков заключалась в представлении на русском языке необходимой информации о противнике, т.е. о «чужом», то в послевоенный период особый размах приобрела деятельность советских военных лингвистов по переводу материалов военного и военно-технического содержания на разные языки мира. Стратегия перевода определялась однозначно: перевод должен был осуществляться с родного, русского, языка на иностранные, что обеспечивало необходимую глубину понимания текстов специального содержания².

Было создано специальное издательство — «Воентехиниздат» — цель которого состояла в переводе и издании на иностранных языках эксплуатационной документации военного назначения. Военное издательство аналогичного профиля существует и в структуре современных российских вооружённых сил в виде Управления военно-технического издательства на иностранных языках («Воентехиздат») Министерства обороны РФ.

В разных странах создавались рабочие группы советских военных специалистов и переводчиков, задачей которых были разработка специальной военной и эксплуатационной документации по грамотному использованию и обслуживанию экспортировавшейся военной техники и вооружения в соответствии с положениями советской военной тактики. Кураторами этих рабочих групп выступали наиболее грамотные офицеры национальных армий, получивших образование в Советском Союзе и в других странах. Они выступали в качестве главных экспертов переведённых на национальные языки военных и военно-технических документов, определяли степень их приемлемости для национального потребителя, прежде чем те были размножены и поступали в войска в качестве руководящих документов. Именно эти кураторы были основными критиками качества переведённых текстов и оценивали их по степени дости-

² Подобная стратегия принята сегодня переводчиками Китая, которые, работая в рамках принятого политического направления «открытости», сами переводят тексты о Китае на разные языки мира.

жения не только точности и полноты передаваемого смысла, но и доступности для целевой аудитории.

Взаимодействие переводчиков с экспертами национальных армий со всей очевидностью высветило проблему: переведённые тексты при всей полноте передаваемой информации часто оказывались недостаточно понятными. Переводчики столкнулись с трудностями двух уровней: асимметрия содержания концептов, казавшихся аналогичными, асимметрия форма текстов.

Асимметрия содержания отчётливо проявляется, например, в таких парах концептов: концепты, заключённые в русском языке в форму термина *атака*, а во французском языке во внешне подобную форму — *attaque*, а также содержание концептов из сферы управления войсками — *время «Ч»* (русский) и *heure H* (французский). В содержании русского концепта, обозначенного термином *атака*, доминирует компонент кульминационного момента наступления — *атаки переднего края* позиции противника. В содержании французского концепта этого доминирования нет, и термин *attaque* — это не какая-то конкретная фаза наступательного боя, а наступательный бой в целом. Внешне подобными оказываются и термины *время «Ч»* (русский) и *heure H* (французский). Но заключённые в них концепты различны. Главный смысловым компонентом концептов, обозначенных и русским, и французским терминами и объединяющим их в сознании переводчиков, оказывается расчётное время: от времени «Ч» рассчитывается время начала самых различных фаз боевых действий (напр. Ч+1 или Ч–2). Но русский концепт за момент отсчёта принимает пресечение наступающими войсками переднего края противника (ср.: «Преодолев заграждения по проделанным проходам, танки и мотострелковые подразделения под прикрытием огня артиллерии, миномётов и других огневых средств в установленное время («Ч») врываются на передний край обороны противника и уничтожают его огнём всех средств» [БУ СВ, 1969]). Концепт, заключённый во французском термине, соотносит момент отсчёта со временем выхода войск с исходного рубежа. сопоставление двух концептов демонстрирует асимметрию, которую можно проиллюстрировать следующей фразой: «В назначенное время войска выдвигаются на исходный рубеж. *Время прохода исходного рубежа (heure H* во французском понимании) назначается с расчётом, чтобы ко *времени «Ч»* (в русском понимании) достичь переднего края обороны противника».

Но различия содержания концептов, составлявших отдельные единицы перевода, оказались для переводчиков не самой сложной проблемой.

Во-первых, к переводу привлекались переводчики, получившие специальное военное и лингвистическое образование и уже знакомые с подобными явлениями асимметрии.

Во-вторых, проблема, которая с трудом решалась с помощью двуязычных словарей, разрешалась путём внимательного изучения разных документов и специализированных толковых словарей на языке перевода, главным образом уже в процессе перевода по мере появления той или иной смысловой асимметрии.

Сложнее оказалось воспроизвести в переводе структуру текста в соответствии с определёнными традициями речевого жанра.

Переводчику, получившему в качестве оригинала текст, написанный для иноязычного адресата, но на основании сложившихся представлений о советской военной тактике и об особенностях восприятия информации подобного рода в данной когнитивно-коммуникативной сфере, не имеет смысла переводить его формально точно: переведённый текст окажется недостаточно понятным адресату. Соответственно, для достижения адекватности восприятия переведённого текста, необходимо строить его по дискурсивным моделям, традиционно принятым для построения текстов данного жанра на языке перевода. В терминологии теории эквивалентности Ю. Найды в основе подобного подхода лежит стремление переводчика к достижению *динамической эквивалентности*.

Но возникает закономерный методологический вопрос: каким образом установить параметры этой эквивалентности? Следовательно, нужен строго разработанный метод межъязыкового сравнительного дискурсивного анализа, который мог бы составить суть *предпереводческого анализа*, если речь не идёт о художественном переводе, где критерии переводческого выбора иные.

3.3. Предпереводческий анализ специальных военных текстов: метод

3.3.1. Уровни предпереводческого анализа

Предпереводческий анализ осуществляется на трёх уровнях.

На первом уровне определяется жанровая специфика дискурса, которому принадлежит текст оригинального документа, на основе функциональных характеристик акта коммуникации, в рамках которого и порождаются тексты данного типа (сфера коммуникации, характер социально-ролевого взаимодействия коммуникантов, прагматическая направленность и референтная соотнесённость акта коммуникации). На основании сложившихся представлений о жанровой специфике дискурса отыскиваются тексты с анало-

гичными характеристиками на языке перевода для дальнейшего межъязыкового сравнения.

Так, если переводчику предстоит перевести текст боевого устава, то прежде всего область текстов для сравнительного анализа ограничивается сферой коммуникации путём оппозиций: военный устав — это не устав предприятия, компании или университета, он функционирует исключительно в военной сфере; боевой устав — это не общевоинский устав, а устав, определяющий действия коммуникантов в боевых условиях. По характеру социально-ролевого взаимодействия боевой устав — это коммуникация от старшего к младшему. Речевой жанр боевых уставов характеризуется двойственностью прагматики: во-первых, он служит «распредмечиванию» боевой деятельности, т.е. ориентирован на овладение деятельностью адресатом, во-вторых, он призван регулировать эту деятельность как нормативный акт. Двойственность прагматики предполагает двойную направленность коммуникативной установки данного типа речевых актов: цель распредмечивания деятельности, в данном случае боевой деятельности войск, предполагает коммуникативную установку на последовательное развёртывание сообщения от известного к неизвестному, высокую степень когезии предложений в тексте, определение и объяснение новых понятий и т.п. Иную коммуникативную установку диктует цель регуляции деятельности: она заключается в том, чтобы предписать адресату определённый характер действия, для чего необходимо точно назвать адресата, указать действие, которое ему необходимо совершить и обозначить условия, в которых это действие может или должно совершиться, и выбрать определённую модальность.

На втором уровне осуществлялся предпереводческий сравнительный анализ речевых структур на основании аналогии *текстообразующих стратегий*, где доминирует фактор коммуникативной установки, при очевидной близости референтной соотнесённости текстов.

Текстообразующая стратегия — это выбор коммуникантом такой структуры текста, которая соответствовала бы его коммуникативной установке. Коммуникативная установка обуславливает как структуру всего сообщения в целом, так и структуру его отдельных частей вплоть до лексико-синтаксической организации отдельного высказывания. В этом отражается сложная иерархическая когнитивная система логических связей, устанавливаемых сознанием субъекта речи между предметами действительности — референтами речевого акта — в процессе коммуникации.

В зависимости от того, какой вид логической связи положен в основу структурирования текста, то есть в основу объединения составляющих его высказываний в единое текстовое целое, могут быть дифференцированы *типы речи*, определяемые как «функционально-смысловые» [см.: Нечаева, 1974; Одинцов, 1980].

На основании категории функционально-смыслового типа речи и может быть построена логическая модель предпереводческого анализа сообщений различных речевых жанров для дальнейшего построения стратегии перевода и выбора конкретных форм межъязыкового, переводного, соответствия.

3.3.2. Основы дифференциации функционально-смысловых типов речи

Традиционно к функционально-смысловым типам речи, называемым также «типами текстов» [Свинцов, 1972], относят описание, повествование и рассуждение. При этом в основу дифференциации функционально-смысловых типов речи кладутся обобщённые логико-смысловые значения, которые «в соответствии с характером мыслительных связей в одних случаях являются перечислением одновременных явлений, т.е. описанием предмета в широком понимании; в другом — общесмысловые значения выражают последовательные или развивающиеся действия или состояния, что соответствует в речи повествованию; в третьих случаях логико-смысловые связи выражают причинно-следственные выводные отношения, воплощающиеся в языке в речь типа рассуждения» [Нечаева, 1974].

Подход, предложенный В.В. Свинцовым [Свинцов, 1972: 1975–1980], даёт возможность внести некоторые уточнения в классификацию функционально-смысловых типов речи. В.В. Свинцов осуществляет упорядочение традиционной типологии: в ней описательные и повествовательные тексты рассматриваются «как более или менее сложные многочленные конъюнкции, а рассуждение — как текст, в основу которого положено (по крайней мере, по замыслу автора) отношение логического следования» [Там же: 177].

В то же время эта типология не получает дальнейшего развития и ограничивается лишь традиционными тремя типами речи. Если же применять логический принцип к дифференциации типов речи более последовательно, т.е. не идти по пути логического обоснования постулируемых типов, применяя к ним более или менее успешно критерий вида логических операций, а следовать от самих этих видов к речевым структурам, то открывается возможность построения принципиально новой типологии речи, характеризующейся единством оснований.

В логике обычно рассматриваются пять видов логических операций, в результате которых происходит объединение простых высказываний в сложные: конъюнкция, дизъюнкция, импликация, эквивалентность и отрицание. Различение этих видов операций могло бы составить основу для дифференциации речевых структур.

В то же время следует иметь в виду, что категории логики не тождественны категориям речи. Поэтому логические таксономии могут применяться для построения таксономии речевых категорий лишь в известных пределах. В данном случае необходимо учитывать, что логические операции предполагают связи между высказываниями не по смыслу, а лишь по критерию истинности или ложности, напротив, речевые построения предполагают смысловую зависимость своих составных частей друг от друга. Это уточнение является обоснованием того, что для обозначения разновидностей дискурсивных структур предпочтительным оказывается термин «функционально-смысловой тип речи». Определение «функциональный» соотносит его с коммуникативной установкой, обуславливающей характер логических связей между высказываниями, а определение «смысловой» подчёркивает его когнитивную основу и показывает, что логические связи между высказываниями разворачиваются на фоне их смысловой соотнесённости.

Ещё одно уточнение представляется нам существенным. В.В. Свинцов отмечает, что данный «способ классификации позволяет оценивать любую по своим размерам текстовую конструкцию в целом» [Там же: 179]. Из этого следует, что, говоря об операции соединения простых высказываний в сложные посредством одного из видов логической связи, мы имеем в виду преобразование более простой мыслительной конструкции в более сложную независимо от её синтаксического статуса: от соединения элементов внутри формально простой синтаксической конструкции, если эти элементы заключают в себе суждения, до текста сообщения в целом.

В тексте отражается иерархическая система логических связей, устанавливаемых коммуникантом между референтами в процессе коммуникации. Это даёт основания полагать, что и структурные единицы речи также не являются одноуровневыми, а предполагают взаимную иерархическую зависимость. На последовательных уровнях иерархической системы могут быть выделены конституирующие единицы текста, структуры которых будут отличаться большей сложностью логических связей между составляющими их единицами предшествующего уровня.

Вместе с тем для предпереводческого анализа важно не только выявить конституирующие единицы текста оригинального документа, но и найти логическую доминанту всего речевого произведения, то есть, во-первых, определить, какой вид логической связи доминирует в тексте над другими (квантитативный параметр), а во-вторых, взглянув на текст всего сообщения в целом как на одно сложное высказывание, попытаться установить общий характер логических отношений, его составных частей (кваликативный параметр). Разумеется, оба параметра взаимно зависимы. Анализ текста сообщения по данным параметрам позволит выявить стратегию текстообразования, являющуюся одним из ведущих признаков дифференциации речевых жанров.

Вернёмся к логической таксономии видов связи простых высказываний в сложные. Пять перечисленных видов связи должны соответствовать по меньшей мере пяти различным функционально-смысловым типам речи.

3.3.3. Конъюнкция

Конъюнкция образует речевые структуры, отдельные части которых соответствуют логическим высказываниям, присоединяемым друг к другу посредством логического союза «и». Данный функционально-смысловой тип речи определяется термином «перечисление» и рассматривается как логико-смысловой инвариант, по отношению к которому описание и повествование являются вариантами, соответственно, со статической или динамической доминантой.

Конъюнктивная основа описательных и повествовательных текстов наиболее отчётливо прослеживается в тех фрагментах речи, где логический союз «и» получает полное языковое выражение. Такие текстовые построения, характерные главным образом для сказочно-эпических жанров, нередко встречаются в текстах современных художественных произведений. В качестве примера можно привести два фрагмента из рассказов Л. Андреева «Жили-были» и «Иностранец».

1. «В восторге от остроумной шутки, отец дьякон хлопал себя руками по коленям и сгибался от приступа неудержимого, тихого смеха. И лицо его, давно не видавшее воздуха, изжелта-бледное, становилось на минуту лицом здорового человека, дни которого ещё не сочтены. И голос его делался крепким и звонким, и бодростью дышали звуки трогательной песни» («Жили-были») — описание.

2. «И он подумал, что скорее найдёт то, что нужно, если станет писать. Ломая спички дрожащими руками, он зажёт свечу, яростно

сбросил со стола немецкий учебник и задумался над листом белой бумаги. И нерешительно, запинаясь, рука его вывела: “Родина”.

И остановилась. И более твёрдо повторила:

“Родина!”

И быстро, большими буквами он закончил:

“Прости меня!”» («Иностранец») — повествование.

3.3.4. Эквиваленция

Одинцов, выйдя за пределы литературно-художественной речи и обратившись к текстам научного содержания, выделил в дополнение к традиционным трём функционально-смысловым типам речи (описание, повествование, рассуждение) четвёртый — *определение*, который является, по его мнению, «самым простым (с точки зрения структурной организации), наиболее устойчивым и логически строгим видом развития понятия» [Одинцов, 1980: 88].

Выделение данного функционально-смыслового типа речи находится в соответствии с логическим принципом дифференциации речи, так как в основе определения лежит логическая операция *эквиваленции*. Разновидностью определения, как справедливо полагает В.В. Одинцов, является объяснение, то есть тип речи с более усложнённой структурой, трансформированный из определения «для достижения психологических целей — простоты, доступности, интереса и т.п.» [Одинцов, 1980: 88]. Со строго логической точки зрения объяснение — это неявное определение. Как речевые категории определение и объяснение могут рассматриваться как варианты одного функционально-смыслового типа речи в силу того, что в основе развёртывания их структур лежит одна и та же логическая операция *эквиваленции*.

3.3.5. Дизъюнкция

Логическая операция дизъюнкции образует функционально-смысловой тип речи, который мы определяем как *альтернативный*. Данный тип речи широко используется в пропагандистских целях в публицистических жанрах военного дискурса, в частности, в текстах военных листовок, построенных на противопоставлении аргументов, например:

«Офицеры и унтер-офицеры! Если вы будете и впредь сопротивляться, вы бессмысленно погубите своих людей и обречёте на тотальное опустошение Германию.

Чтобы облегчить положение Германии, у вас есть только один путь — капитуляция и плен.

Другого пути нет» [Оружием правды, 1971: 305].

3.3.6. Отрицание

На основе логической операции строится функционально-смысловой тип речи, который может быть определён как *опровержение*. Речевые структуры данного типа также достаточно распространены в публицистических жанрах». Примером данного функционально-смыслового типа речи может служить следующий фрагмент военной листовки периода Великой Отечественной войны:

«Офицеры и солдаты немецкой армии!.. Вы надеялись на помощь войск, поспешно собранных Гитлером севернее Котельниково. Но и эти немецкие войска нами разбиты! Одними убитыми немцы потеряли здесь 17000 солдат и офицеров.

Итак, ваши надежды получить помощь со стороны Котельниково рухнули!

Вы надеялись, что вас освободят войска, которые Гитлер в спешке наскрёб в районе Тормосина.

И эти войска полностью разбиты и уничтожены нами!» [Там же: 140].

Опровержение представляет, на наш взгляд, наиболее «логическую» речевую структуру в связи с тем, что противопоставление высказываний осуществляется в ней по критерию их истинности.

3.3.7. Импликация

И, наконец, последний вид логической операции — импликация. Импликация, связывающая простые высказывания в сложные посредством логической связи, которой в русском языке соответствует союз «если..., то», образует функционально-смысловой тип речи, который может быть определён как *имплицативный*. Речевые структуры, построенные по этому типу, наиболее распространены в коммуникации в профессиональной сфере деятельности, где они используются в текстах, имеющих целью как «распредмечивание», так и регуляцию профессиональной деятельности.

Импликация лежит в основе речевых построений, выполняющих регулятивную функцию и построенных по логической формуле правовой нормы. Согласно этой формуле «лицо, находящееся в определённых условиях (гипотеза), должно действовать сообразно юридическим законам, действующим в этих случаях (диспозиция),

во избежание определённых последствий для лица (санкция)» [Ушаков, 1967: 161].

Функционально-смысловой тип речи, построенный по формуле правовой нормы, определяется нами как *предписание*.

Однако трёхчастная структура логической формулы не позволяет использовать её в качестве законченной модели предписания как функционально-смыслового типа речи. Обязательным компонентом директивного коммуникативного акта является адресование, т.е. есть указание на адресата предписываемых действий. Таким образом, модель предписания может быть представлена в виде четырёхчастной структуры:

- 1) адресат предписания (А);
- 2) гипотеза (Н);
- 3) диспозиция (D);
- 4) санкция (S).

Если между компонентами Н, D, S установлена логическая связь импликации, то адресат относится уже не к собственно логическому, а к коммуникативному уровню и связан с тремя другими компонентами не логическими отношениями, а смысловыми.

Компоненты предписания различаются степенями эксплицитности, позициями в тексте относительно друг друга и характером функционирования в подчиняющих и подчинённых текстовых построениях.

Как и другие функционально-смысловые типы речи, основанные на определённых видах логических отношений, предписание может охватывать различные по величине текстовые конструкции: от отдельного предложения, заключающего в себе сложное высказывание, вплоть до текста всего произведения в целом.

Текст боевого устава или какого-либо иного регламентирующего военного документа может быть квалифицирован как предписание. В этом случае предписание предстаёт в качестве обобщённой категории, выведенной путём абстрагирования от множества конкретных реализаций формулы правовой нормы в высказываниях текста. Оно выступает как стратегическая доминанта текстообразования, подчиняющая себе все прочие функционально-смысловые типы речи, определяющие структуру тех или иных фрагментов текста.

Примером заключения формулы правовой нормы в рамки наиболее компактной синтаксической формы служит следующее предложение боевого устава: «**При** преодолении зон заражения всех видов (гипотеза) **войска должны** двигаться на максимальных

скоростях и увеличенных дистанциях между машинами (диспозиция), чтобы **исключить** или снизить запыление позади идущих машин» (санкция).

Наименьшей степенью эксплицитности характеризуется санкция. Это объясняется тем, что отдельные имплицативные структуры, составляющие текст данного жанра, соотносятся главным образом с санкцией, общей для всего текста, то есть с санкцией того уровня, на котором весь текст сообщения в целом характеризуется как предписание. Для коммуникативных актов данного жанра, как и для однородных жанров, призванных регулировать ход профессиональной деятельности (инструкций, наставлений и т.п.), в качестве санкции выступает указание на возможный, отрицательный результат выполнения профессионально-ролевой функции. Общая санкция может быть либо выражена в тексте, построенном по типу предписания только один раз, либо оставаться в пресуппозиции, если её значение восстанавливается из самой функции документа. Для сообщений данного речевого жанра характерна невыраженность общей санкции, так как она легко восстанавливается благодаря функциональной характеристике коммуникативных актов: само определение сообщения — «боевой устав» — соотносит его с гипотезой *бой*, что в свою очередь делает очевидной для адресата гиперсанкцию — *поражение* в бою.

С другой стороны, часто диспозиция указывает на действия, результат которых, а следовательно, и санкция, достаточно легко выводятся путём ряда несложных логических построений. В этих случаях также нет необходимости выводить санкцию на уровень поверхностной речевой структуры.

Рассмотрим следующие примеры:

« Si la section est prise à partie par des chars adverses (H), les éléments qui sont en terrain dégagé (A1) lancent des grenades fumigènes et se jettent dans les couverts ou les abris les plus proches (D1), tandis que les autres (A2) ouvrent le feu sur les chars (D2). Le chef de section (A3) s'efforce de manoeuvrer en exploitant la fluidité de ses moyens (D3) pour ne pas se laisser fixer et risquer ainsi la destruction (S) »;

«При переходе от ночных действий к дневным (H) командир батальона (роты) (A) обязан уточнить боевые задачи подразделения (D1), организовать дополнительную разведку (D2) с целью недопущения внезапности возможных с утра контратак противника (S)».

В обоих приведённых примерах одной гипотезе соответствует ряд диспозиций, только одна из которых связана с санкцией: особая форма манёвра, предписываемая командиру — во французском

примере (« manoeuvrer en exploitant la fluidité de ses moyens »), и дополнительные действия командира — в русском («организовать дополнительную разведку»). Другие диспозиции не соотнесены с санкциями, так как результат невыполнения предписываемых действий очевиден.

Наибольшая вариативность языковых форм отмечается в обозначении гипотезы.

Анализ предложений, построенных по модели предписания, извлечённых из примерно равных по объёму фрагментов русского и французского текстов боевых уставов [БУ СВ, 1969; Règlement sur le combat de l'infanterie, 1966] методом сплошной выборки показал ряд асимметричных явлений реализации данного функционально-смыслового типа речи средствами французского и русского языков, а именно в характере вариативности речевых маркеров гипотезы во французском и русском тексте, в последовательности компонентов предписания, в речевых построениях, в повторяемости тех или иных речевых конструкций.

Корпус французских предложений показывает, что для обозначения гипотезы во французском тексте используются главным образом две формы: предложные номинативные конструкции и придаточное предложение с союзом *si*. Кроме придаточного условия, вводимого союзом *si*, во французских текстах данного жанра в качестве гипотезы функционируют также предложения с союзами *quand*, *lorsque*.

Русские примеры демонстрируют большую вариативность в обозначении гипотезы: предложной номинативной конструкцией, деепричастным оборотом, причастным оборотом, придаточным предложением с союзом *если*; однако при всём разнообразии форм даже на примере этой небольшой выборки становится очевидным преобладание предложных конструкций и деепричастных оборотов над другими формами, способными выполнять функцию гипотезы в предписании.

Стилистические нормы текстов данного жанра не препятствуют повторению одних и тех же речевых форм в смежных текстовых построениях, но в то же время допускают и варьирование средств выражения в пределах, исключающих какую бы то ни было двусмысленность содержания текста.

Рассуждение

Связка *если... то* подразумевает причинную связь между первым высказыванием и вторым. Это свидетельствует о том, что

данный вид логической операции лежит в основе отношения логического следования, которое «логически “оформляет” разнообразные умозаключения и доказательства» [Свинцов, 1972: 170] и составляет таким образом основу *рассуждения* как функционально-смыслового типа речи.

Но отношение логического следования предполагает в отличие от рассмотренных ранее: не одну, а несколько логических операций. И если в основе *рассуждения* и лежит импликация, то импликация не первого, а второго порядка, которую можно условно назвать «квадратной импликацией». Близость предписания и *рассуждения* как функционально-смысловых типов речи очевидна, но столь же очевидно и различие между ними: если *рассуждение* отражает ход когнитивного процесса коммуниканта и сопоставлением посылок подводит к выводу, то предписание содержит уже готовый вывод как результат предшествующего когнитивного процесса, не нашедшего отражения в тексте.

Таким образом, логико-смысловой подход к структуре текста позволил выделить следующие функционально-смысловые типы речи: *перечисление* (с динамическим и статическим вариантами — повествованием и описанием), в основе которого лежит отношение конъюнкции; *определение* (с развёрнутым вариантом — объяснением), основанное на отношении эквиваленции; *альтернативный* тип речи, высказывания которого связаны между собой отношением дизъюнкции; *опровержение*, построенное на отрицании одного высказывания другим; *имплицитный* тип речи, внутри которого различаются предписание и *рассуждение* как типы речи, соответствующие отношениям простой и «квадратной» импликации.

При этом определение в меньшей степени зависит от предписания, чем другие функционально-смысловые типы речи. Перечисление подчиняется предписанию и определению (перечисление гипотез или диспозиций в предписании, видовых признаков — в определении). *Рассуждение* и *альтернативный* тип речи, находясь на схеме за пределами области, включающей в себя наиболее характерные для данного речевого жанра функционально-смысловые типы речи, также подчиняются предписанию и определению (*рассуждение*, формулирующее предписание, *рассуждение* в объяснении как варианте определения; *альтернативные* диспозиции к одной гипотезе, определение понятия через противоположность). В то же время *перечисление* возможно в *рассуждении* (перечисление посылок) и в *альтернативном* типе речи (перечисление *альтернативных* элементов); определение может быть формой одной из посылок

или вывода в рассуждении, а также элементом альтернативной структуры.

На основании этой модели и осуществляется сравнение речевых построений в текстах определённого речевого жанра разных пар языков как реализаций текстообразующей стратегии, которая в свою очередь отражает коммуникативную установку речевых актов определённого типа.

Каждый функционально-смысловой тип речи представляется как корреляция составляющих его элементов, соединённых определённым видом логической связи: антецедент, консеквент и оператор импликации (*если..., то*) в предписании; перечисляемые элементы и оператор конъюнкции (*и*) в перечислении; дефиниендум, дефиниенс и оператор эквиваленции в определении; посылки, вывод и операторы импликации (первой и второй степени) в рассуждении; альтернативные элементы и оператор дизъюнкции (*или*) в альтернативном типе речи. Все эти элементы, располагаясь на когнитивном уровне коммуникативного акта, составляют те категории, реализация которых в речи средствами сравниваемых языков и составляют предмет предпереводческого анализа текстов.

Подобно глубинным структурам предложений, отождествление которых может осуществляться абстрагированно от смыслов индивидуальных лексем [Падучева, 1974: 22], функционально-смысловые типы речи составляют глубинный уровень структуры дискурса — то общее для сравниваемых коммуникативных актов, оттолкнувшись от которого могут быть выявлены межъязыковые сходства и расхождения.

Заключение

Война, особенно отечественная война, имеющая всенародный характер, оказывает существенное влияние на состав и функционирование национального языка. Во время войны уточняется и развивается когнитивно-коммуникативная система, обеспечивающая общение в военной сфере деятельности. Специфические формы приобретают межъязыковая коммуникация и перевод.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне расширила спектр социальных функций русского языка, ставшего языком международного сотрудничества, в том числе и в военной сфере, что послужило стимулом к значительному расширению переводческой деятельности, увеличению объёма перевода военной и военно-технической документации с русского языка на разные

языки мира. Это потребовало, в свою очередь, разработки методики предпереводческого анализа текстов специального военного дискурса на когнитивной основе с использованием категорий логических отношений для обеспеченности адекватности переводного материала, что явилось важным шагом на пути развития методологии перевода.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

Бельчиков Ю.А. Из наблюдений над русским литературным языком эпохи Великой Отечественной войны // Филологические науки, 2000. № 6. С. 46–55.

Береговская Э.М. Солдатское аргю в языке художественного произведения (к вопросу об интерпретации современного литературного текста) // Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. Вып. 1. С. 28–35.

Боевой устав Сухопутных Войск (батальон-рота). М.: Воениздат, 1969. 206 с.

Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 6. М.: Воениздат, 1978.

Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1984. 863 с.

Гарбовский Н.К. О функциональном подходе к исследованию военных текстов (на материале французского языка) // Функционирование системы языка в речи. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 14–22.

Гарбовский Н.К. Существует ли монолитный военный функциональный стиль? // Сборник статей № 14. Иностранные языки. Юридические науки. М.: Изд. Военного института, 1978. С. 30–35.

Гарбовский Н.К. О влиянии войн на лексический состав языка // Сборник статей № 21. М.: Изд. Военного института, 1985. С. 53–60.

Гарбовский Н.К., Мишуров Э.Н. Военный перевод в современном мире (теоретико-методологические, лингвистические, военно-исторические и социально-политические аспекты) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2010. № 2. С. 16–41.

Денисов Н.Н. Русская военная терминология в период Великой Отечественной войны // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1985. Т. 44. № 4. С. 365–385.

Доза А. История французского языка. М.: Изд-во Иностран. лит-ры, 1956. 471 с.

Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934 (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/index.html>

Кожин А.Н. Из наблюдений над сложносокращёнными словами в русском языке. (На мат. лексики эпохи Великой Отечественной войны) // Учёные записки МОПИ, 1955. Т. 32. Вып. 2. С. 67–83.

Кожин А.Н. О словах с переносным значением в русском языке эпохи Великой Отечественной войны // Учёные записки МОПИ, 1956. Т. 35. Вып. 3. С. 69–92.

Кожин А.Н. Заметки об иноязычных элементах в русском языке периода Великой Отечественной войны // Учёные записки МОПИ, 1961. Т. 100. Вып. 6. С. 195–204.

Кожин А.Н. Великая Отечественная война и русский язык // Русский язык в школе, 1975. № 2. С. 3–9.

Кожин А.Н. Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1935. 328 с.

Кожин А.Н. Новые явления в русском языке периода Великой Отечественной войны // Вопросы языкознания, 1985. № 6. С. 77–87.

Лесных Е.В. Реактивизация военной лексики русского языка в период Великой Отечественной войны // О годах, войной испепелённых (К 55-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). Липецк, 2000. С. 85–97.

Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы Всероссийской конференции, посвящённой 60-летию Победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2005. 331 с. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://iling.spb.ru/confs/pobeda.pdf>

Мжельская О.С. Лингвистические исследования о русском языке эпохи Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского университета, 1975. № 20. С. 103–109.

Миртов А.В. Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны // Вопросы языкознания, 1953. № 4. С. 99–108.

Национальный корпус русского языка (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://processing.ruscorpora.ru>

Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ: Буряткнигоиздат, 1974. 261 с.

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. 604 с.

Одинцов В.В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 263 с.

Оружием правды. М.: Воениздат, 1971. 410 с.

Пашковский А.А. Японская военная лексика // Сборник трудов по языкознанию. М.: Изд. Военной академии Советской Армии, 1958. № 2. С. 5–29.

Пиотровский Р.Г., Рахубо Н.П., Хажинская М.С. Системное исследование лексики научного текста. Кишинёв: Штиинца, 1981. 159 с.

Свинцов В.И. Логические основы редактирования текста. М.: Книга, 1972. 272 с.

Скворцов Л. Из истории слов и выражений периода Великой Отечественной войны // Филологические науки, 1975. № 3.

Суслова К.С., Соседенко А.П. Вторая мировая война в лингвистическом аспекте (на примере русского языка. // VI Международная студенческая научная конференция. Студенческий научный форум — 2014 (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014002464>

Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода. М.: Воениздат, 1979. 277 с.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Госин-т «Сов. энцикл.». ОГИЗ. Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940 (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=73717>

Трифонов П. Повышать культуру военного языка // Военный вестник, 1970. № 9. С. 39–41.

Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь: Изд-во Пермского университета, 1967. Т. 1. 205 с.

Фесенко А. и Т. Русский язык при Советах. Глава VII. Язык войны и послевоенного периода. Нью-Йорк, 1955 (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://culture.wikireading.ru/61746>

Филин Ф.П. О языке Великой Отечественной войны // Диалектологический сборник. Вологда: Межобластной кабинет атласа северорусских говоров центра, 1946. Вып. 3. С. 5–9.

Шмелев А.Д. О том, как война изменила русский язык. О военном наследии, которое мы все несём в себе, не задумываясь // Правмир (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/aleksey-shmelev-o-tom-kak-voyna-izmenila-russkiy-yazyik/>

Черных П.Я. Русский язык в дни войны (заметки собирателя) // Сибирские огни. 1946. Кн. 4. С. 98–106.

Энциклопедия. Министерство Обороны Российской Федерации (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/search.htm>

Dauzat A. L'argot de la guerre 1939-1940. Première contribution. Le français moderne. 1941. No. 4, pp. 289–296.

Dauzat A. Histoire de la langue française. Paris: Presses Universitaires de France, 1959. 136 p.

De Larmina F. Le “Modern style”. Armée d'aujourd'hui, 1979. No. 46, pp. 23–25, 9.

Eyot I. Contribution à l'argot de la guerre. Le français moderne, 1943. No. 1. 64 p.

Gilbert P. Remarques sur la diffusion des mots scientifiques et techniques dans le lexique commun. Langue française. 1973. No. 17, pp. 31–43.

Gougenheim G. Pékin est-il un mot de soldat. Mélanges de linguistique française offerts à M. Ch. Bruneau. Genève: Librairie E. Proz, 1954, pp. 147–151.

Mitterand H. Vocabulaire argotique et populaire des E.O.R. (Elèves, Officiers, de Réserve) de l'Ecole de Sète. Le français moderne, 1954. No. 3, pp. 214–219.

Pohl J. Les argots français en Belgique. Argot militaire. Le français moderne, 1953. No. 4, pp. 303–306.

Règlement sur le combat de l'infanterie. Paris: Lavauzelle, 1966. 317 p.

Nikolai K. Garbovskiy,

Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University, Russia;
email: nikolay.garbovskiy@mail.ru

WAR AND COMMUNICATION IN THE MILITARY SPHERE

The 75th anniversary of the Soviet people's victory in the Great Patriotic War once again brings us back to the events of that time and makes us think again about the impact of the war not only on various aspects of human society, the economy, politics and technology, but also on the human consciousness, man's language and speech activity.

During any war, the cognitive and communicative system that provides communication in the military sphere is being refined and developed. Inter-language communication and translation take on peculiar forms in the context of a military confrontation between "us" and "them."

The Soviet victory in the Great Patriotic War expanded the range of social functions of the Russian language. It became the language of international cooperation, including that in the military sphere, which gave a major boost to translation activities, as well as the development of translation theory and methodology.

Key words: cognitive-communicative system, speech genre variation, translation methodology, military discourse, military terminology, military translation.

References

Arutyunova N.D. Diskurs. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' [Discourse. Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1990, pp. 136–137 (In Russian).

Bel'chikov Y.U.A. Iz nablyudenij nad russkim literaturnym yazykom epohi Velikoj Otechestvennoj vojny [Some observations concerning literary Russian of the Great Patriotic War epoch]. *Filologicheskie nauki*, 2000. No. 6, pp. 46–55 (In Russian).

Beregovskaya E.M. Soldatskoe argo v yazyke hudozhestvennogo proizvedeniya (k voprosu ob interpretacii sovremennogo literaturnogo teksta) [Soldier jargon in the language of fiction (on understanding contemporary literary text)]. Analiz stilej zarubezhnoj hudozhestvennoj i nauchnoj literatury. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1978. Issue1, pp. 28–35. (In Russian).

Boevoj ustav Suhoputnyh Vojsk (batal'on-rota) [Land-forces manual (battalion-troop)]. Moscow: Voenizdat, 1969. 206 p. (In Russian).

Chernyh P.YA. Russkij yazyk v dni vojny (zametki sobiratelya) [Russian in days of war (a collector's sketchbook)]. *Sibirskie ognj*, 1946. In. 4, pp. 98–106. (In Russian).

Dauzat A. L'argot de la guerre 1939–1940. Première contribution. Le français moderne. 1941. No. 4, pp. 289–296.

Dauzat A. Histoire de la langue française. Paris: Presses Universitaires de France, 1959. 136 p.

De Larmina F. Le "Modern style". *Armée d'aujourd'hui*, 1979. No. 46, pp. 23–25, 9.

Denisov H.H. Russkaya voennaya terminologiya v period Velikoj Otechestvennoj vojny [Russian military terminology in the period of the Great Patriotic War (World War II)]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1985. Vol. 44. Vol. 4, pp. 365–385 (In Russian).

Doza A. Istoriya francuzskogo yazyka [A history of French]. Moscow: Izd-vo inostr. lit-ry, 1956. 471 p. (In Russian).

Enciklopediya. Ministerstvo Oborony Rossijskoj Federacii [Encyclopaedia. Ministry of Defence of the Russian Federation] (Elektronnyj resurs). Rezhim dostupa: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/search.htm> (In Russian).

Eyot I. Contribution à l'argot de la guerre. *Le français moderne*, 1943. No. 1. 64 p.

Fesenko A. i T. Russkij yazyk pri Sovetah [The Russian language in the Soviet era]. Glava VII. YAzyk vojny i poslevoennogo perioda. N'yu-Jork, 1955 (Elektronnyj resurs). Rezhim dostupa: <https://culture.wikireading.ru/61746> (In Russian).

Filin F.P. O yazyke Velikoj Otechestvennoj vojny [On the language of the Great Patriotic War period]. *Dialektologicheskij sbornik*. Vologda: Mezhoblastnoj kabinet atlasa severorusskih govorov centra, 1946. Issue 3, pp. 5–9 (In Russian).

Garbovskij N.K. O funkcional'nom podhode k issledovaniyu voennyh tekstov (na materiale francuzskogo yazyka) [On functional approach to the study of military texts (on the material of French)]. *Funkcionirovanie sistemy yazyka v rechi*. Moscow: Izd-vo MGU, 1979, pp. 14–22 (In Russian).

Garbovskij N.K. O vliyanii vojn na leksicheskij sostav yazyka [On wars influencing language vocabulary]. *Sbornik statej* No. 21. Moscow: Izd. Voennogo instituta, 1985, pp. 53–60 (In Russian).

Garbovskij N.K. Sushchestvuet li monolitnyj voennyj funkcional'nyj stil'? [Does a monolithic military functional style exist?]. *Sbornik statej* No. 14. Inostrannye yazyki. Yuridicheskie nauki. Moscow: Izd. Voennogo instituta, 1978, pp. 30–35 (In Russian).

Garbovskij N.K., Mishkurov E.N. Voennyj perevod v sovremennom mire (teoretiko-metodologicheskie, lingvisticheskie, voenno-istoricheskie i social'no-politicheskie aspekty) [Military Translation in the Modern World: Theoretico-Methodological, Linguistic, Historical and Politico-Social Aspects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2010. No. 2, pp. 16–41 (In Russian).

Gilbert P. Remarques sur la diffusion des mots scientifiques et techniques dans le lexique commun. *Langue française*, 1973. No. 17, pp. 31–43.

Gougenheim G. Pékin est-il un mot de soldat ? *Mélanges de linguistique française offerts à M. Ch. Bruneau*. — Genève: Librairie E. Proz, 1954, pp. 147–151.

Klauzevic K. O vojne [On war]. Moscow: Gosvoenizdat, 1934 (Elektronnyj resurs). Rezhim dostupa: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/index.html> (In Russian).

Kozhin A.N. O sloвах s perenosnym znacheniem v russkom yazyke epohi Velikoj Otechestvennoj vojny [On figurative words in Russian of the Great Patriotic War period]. *Uchenye zapiski MOPI*, 1956. Vol. 35. Issue 6, pp. 69–92 (In Russian).

Kozhin A.N. Iz nablyudenij nad slozhnosokrashchennymi slovami v russkom yazyke. (Na mat. leksiki epohi Velikoj Otechestvennoj vojny) [On acronymic words in Russian (vocabulary of the Great Patriotic War period)]. *Uchenye zapiski MOPI*, 1955. Vol. 32. Issue 2, pp. 67–83 (In Russian).

Kozhin A.N. Leksiko-stilisticheskie processy v russkom yazyke perioda Velikoj Otechestvennoj vojny [Lexical-stylistic processes in the Russian language of the Great Patriotic War period]. Moscow: Nauka, 1935. 328 p. (In Russian).

Kozhin A.N. Novye yavleniya v russkom yazyke perioda Velikoj Otechestvennoj vojny [New developments in the Russian language of the Great Patriotic War period]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1985. No. 6, pp. 77–87 (In Russian).

Kozhin A.N. Velikaya Otechestvennaya vojna i russkij yazyk [The Great Patriotic War and the Russian Language]. *Russkij yazyk v shkole*, 1975. No. 2, pp. 3–9 (In Russian).

Kozhin A.N. Zametki ob inoyazychnyh elementah v russkom yazyke perioda Velikoj Otechestvennoj vojny [Remarks on foreign elements in Russian of the Great Patriotic War period]. *Uchenye zapiski MOPI*. 1961. Vol. 100. Issue 6, pp. 195–204 (In Russian).

Lesnyh E. V. Reaktivizatsiya voennoj leksiki russkogo yazyka v period Velikoj Otechestvennoj vojny [Re-activation of Russian military vocabulary during the Great Patriotic War period]. O godah, vojnoj ispepelennyh (K 55-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne). Lipeck, 2000, pp. 85–97 (In Russian).

Lingvistika v gody vojny: lyudi, sud'by, sversheniya [Linguistics in years of war: people, fortunes, achievements]. *Materialy vsrossijskoj konferencii, posvyashchennoj 60-letiyu pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne*. Otv. red. N.N. Kazanskij. S.-Peterburg: Nauka, 2005. 331 p. (Elektronnyj resurs). Rezhim dostupa: <https://iling.spb.ru/conf/pobeda.pdf> (In Russian).

Mirtov A.B. Iz nablyudenij nad russkim yazykom v epohu Velikoj Otechestvennoj vojny [On the Russian language of the Great Patriotic War epoch]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1953. No. 4, pp. 99–108 (In Russian).

Mitterand H. Vocabulaire argotique et populaire des E.O.R. (Elèves, Officiers, de Réserve) de l'Ecole de Sète. Le français moderne, 1954. No. 3, pp. 214–219.

Mzheľ'skaya O.C. Lingvisticheskie issledovaniya o russkom yazyke epohi Velikoj Otechestvennoj vojny [Linguistic Studies of Russian of the Great Patriotic War epoch]. *Vestnik Leningradskogo universiteta*, 1975. No. 20, pp. 103–109 (In Russian).

Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language] (Elektronnyj resurs). Rezhim dostupa: <http://processing.ruscorpora.ru> (In Russian).

Nechaeva O.A. Funkcional'no-smyslovye tipy rechi (opisanie, povestvovanie, rassuzhdenie) [Functional-semantic speech types: description, narration, reflection]. Ulan-Ude: Buryatknigoizdat, 1974. 261 p. (In Russian).

Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funkcii, istoriya yazyka [General Linguistics. Modes of existence, functions, history of language]. Moscow: Nauka, 1970. 604 p. (In Russian).

Odincov B.B. Stilistika teksta [Text stylistics]. Moscow: Nauka, 1980. 263 p. (In Russian).

Oruzhiem pravdy [With a weapon of truth]. Moscow: Voenizdat, 1971. 410 p. (In Russian).

Pashkovskij A.A. Yaponskaya voennaya leksika [Japanese military vocabulary]. Sbornik trudov po yazykoznaniiyu. Moscow: Izd. Voennoj akademii Sovetskoj Armii, 1958. No. 2, pp. 5–29 (In Russian).

Piotrovskij R.G., Rahuho N.P., Hazhinskaya M.S. Sistemnoe issledovanie leksiki nauchnogo teksta [A systemic study of vocabulary of a scientific text]. Kishinev: Shtiinca, 1981. 159 p. (In Russian).

Pohl J. Les argots français en Belgique. Argot militaire. Le français moderne, 1953. No. 4, pp. 303–306.

Règlement sur le combat de l'infanterie. Paris: Lavauzelle, 1966. 17 p.

Shmelev A.D. O tom, kak vojna izmenila russkij yazyk. O voennom nasledii, kotoroe my vse nesyom v sebe, ne zadumyvayas' [On how the war changed the Russian language. On military heritage that we all unconsciously possess]. Pravmir. (Elektronnyj resurs). Rezhim dostupa: <https://www.pravmir.ru/aleksey-shmelev-o-tom-kak-vojna-izmenila-russkiy-yazyk/> (In Russian).

Skvorcov L. Iz istorii slov i vyrazhenij perioda Velikoj Otechestvennoj vojny [From history of words and expressions of the Great Patriotic War period]. *Filologicheskie nauki*, 1975. No. 3 (In Russian).

Strelkovskij G.M. Teoriya i praktika voennogo perevoda [Theory and Practice of military translation]. Moscow: Voenizdat, 1979. 277 p. (In Russian).

Suslova K.S., Sosedenko A.P. Vtoraya mirovaya vojna v lingvisticheskom aspekte (na primere russkogo yazyka [World War II: a linguistic perspective (Russian as an example)]. VI international student scientific conference. Student scientific forum — 2014 (Elektronnyj resurs). Rezhim dostupa: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014002464> (In Russian).

Svincov V.I. Logicheskie osnovy redaktirovaniya teksta [Logical bases of text editing]. Moscow: Kniga, 1972. 272 p. (In Russian).

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [A dictionary of Russian]. Pod red. D.N. Ushakova. Moscow: Gos. in-t "Sov. encikl.". OGIZ. Gos. izd-vo inostr. i nac. slov. 1935–1940 (Elektronnyj resurs). Rezhim dostupa: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=73717> (In Russian).

Trifonov P. Povyshat' kul'turu voennogo yazyka [To upgrade military language culture]. *Voennyj vestnik*. 1970. No. 9, pp. 39–41 (In Russian).

Ushakov A.A. Ocherki sovetskoj zakonodatel'noj stilistiki [Essays on Soviet legislative stylistics]. Perm': Izd-vo Permskogo universiteta, 1967. Vol. 1. 205 p. (In Russian).

Voennaya enciklopediya [Military encyclopaedia]. V 8 v. Vol. 6 Moscow: Voenizdat, 1978 (In Russian).

Voennyj enciklopedicheskij slovar' [Military encyclopaedic dictionary]. Moscow: Voenizdat, 1984. 863 p. (In Russian).